

Наталья Богдановна Лысова
Белорусский государственный университет, Минск

О МАГИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ БЕЗ КАВЫЧЕК

Аннотация. *Исследуется научный доклад доктора филологических наук, профессора Александра Александровича Гугнина (1941–2021) «Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления», опубликованный в Научном центре славяно-германских исследований (Москва) в 1998 году. Раскрываются цели исследования, принципы использования А. Гугниным собственного историко-контекстуального метода анализа. Утверждается, что в центре авторского определения магического реализма лежит видение литературного и художественного процесса как взаимодействия форм человеческого мировидения, движения человечества к ноосферической эре.*

Ключевые слова: *магический реализм, ноосфера, социалистический реализм, сюрреализм, экспрессионизм, литературоведение.*

Abstract. *The scientific report of the Doctor of Philology, Professor Alexander Alexandrovich Gugin (1941–2021) "Magical Realism in the Context of Literature and Art of the 20th Century: a Phenomenon and Some Ways of Understanding It", published in the Scientific Center for Slavic-Germanic Studies (Moscow) in 1998, is being studied. The objectives of the study, the principles of using Gugin's own historical-contextual method of analysis are revealed. It is argued that at the center of the author's definition of magical realism lies the vision of the literary and artistic process as the interaction of the forms of the human worldview, the movement of mankind towards the noospheric era.*

Keywords: *magic realism, noosphere, socialist realism, surrealism, expressionism, literary criticism.*

Магический реализм, как метод художественного освоения действительности, по утверждению Гугнина, стал востребован в период кризиса, в период исторических политических катаклизмов. Как пишет автор, «яростная борьба политических партий и гражданская война – все это не могло не заставлять экспрессионистов постепенно “приземляться” и “рационализироваться”; деформированный мир становится вполне конкретным, когда тебе суют в руку винтовку и приказывают стрелять» [1, с. 14]. Нам показалось, что в обстановке сегодняшних военных

реалий именно это исследование мастера заслушивает внимательного аналитического ознакомления.

Работа Александра Александровича Гугнина «Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления» была опубликована в Научном центре славяно-германских исследований (Москва) в 1998 году и представляет собой итоговое исследование, опробированное в курсе лекций. Автор следует цели раскрыть феноменальное значение магического реализма, как художественного метода, впитавшего в себя «основную проблематику двадцатого столетия в целом» [1, с. 4], имеющего истоки в творческом поиске прошлого и устремляющегося в творческое осознание/интерпретацию мира будущего.

В своем исследовании автор использует историко-контекстуальный метод, опираясь на научные открытия, художественные поиски, исторические события и биографии мастеров. Метод, некогда провозглашенный А. Гугниным в его докторском исследовании, становится базой здания работы, девизом которой можно объявить переиначенный тезис шестидесятников о дружбе (а не о споре) физиков и лириков, или о взаимообусловленности естественных и гуманитарных наук. Такие фигуры как В. Вернадский с его учением о «живом веществе природы» и А. Лосев с его теорией демонического (прологического) мышления, становятся определяющими фигурами-призраками гугниновского доклада (как он обозначен в московском издании 1998 года).

Логика литературного и, в целом, художественного процесса видится автору «Магического реализма» во «взаимопереплетении в современности всех исторически обусловленных основных форм человеческого мировидения, связанных со словесной эпохой развития человеческого сознания» [1, с. 48].

А. А. Гугнин пишет о недостаточно разработанном в литературоведении процессе стилистической трансформации литературы XX века и о неточном толковании термина «магический реализм». Открывая сегодня Википедию, обнаруживаем всё ту же неопределенность: не забывая о введении термина Францем Роо (книга 1925 года «Постэкспрессионизм. Магический реализм. Проблемы новейшей европейской живописи»), авторы статьи не только нарушают правила русской орфографии в передаче немецкой фамилии на русский язык (называя его Рохом), но и ограничивают собственно литературный магический реализм литературой латиноамериканских стран. А он, прежде всего, имел немецкий, австрийский, итальянский и бельгийский варианты.

До сих пор актуальным звучит тезис Александра Гугнина о произвольной трактовке словосочетания «магический реализм» в латиноамериканской литературе: «Магический реализм стал для латиноамериканцев своеобразным “плавильным котлом”, куда они “сбрасывали” все, что их привлекало в литературах Западной Европы» [1, с. 28]. Исследователь образно называет латиноамериканскую

литературу магического реализма «яблоком», «упавшим», однако, довольно «далеко от яблони» [1, с. 29]. Гугнин пишет о необходимости исследовать конкретные тексты и контекст их создания, а не полностью полагаться на самоопределения и литературные манифесты.

Более обстоятельный разбор понятия «магический реализм» можно найти в энциклопедии «Постмодернизм», созданной белорусскими учеными в 2001 году. Статья «Магический реализм» написана доктором философских наук Мариной Можейко. Её выводы во многом совпадают с тезисами Александра Гугнина. Но статья Можейко основана на рефировании и оценке книги Роо. Она пишет об элементах магического реализма в экспрессионизме и о радикализации метода магического реализма в «новой вещественности». Между тем А. Гугнин отмечает, что Роо провозглашает магический реализм как новое явление, т.н. постэкспрессионистическое, и предлагает разграничивать три разных стиля – реализм, экспрессионизм и магический реализм. В этом разграничении Александру Гугнину видится тенденция интерпретации мира: от его объективации и типизации к субъективизации восприятия действительности, к духовному видению объекта на принципах карикатуры (или деформации), а далее к попыткам «заземления», или синтеза представлений о реальности в создании особых творческих миров.

Нам кажется, что сегодня мы уже имеем обозначение этого странного мировидения как «виртуальной реальности», где «реальность становится для человека XXI века особой квазидуховной сферой, в которой он ощущает себя, тем не менее, вполне материальным существом в материальном мире» [2, с. 59] и где «сошлись» эстетические практики прошлого, основанные на отмеченных Гугниным мифическом, рациональном и иррациональном, религиозном и прагматическом сознании.

Автор «Магического реализма» визионерски предвидел необходимость дописывать «историческую поэтику», начатую А. Веселовским и А. Потебней и продолженную В. Вернадским, и переосмысливать литературоведческие подходы к определению творческого метода в контексте культуры новейшего времени.

Художественная мысль, по мнению А. Гугнина, сопротивляется навязыванию ясности в обрисовки реальности, и где подобное навязывание прозрачности мировидения наиболее жестко проявлялось в первой половине XX века (в культуре Германии, Италии и России), там и прорастало творчество магических реалистов. Такие художники внешне сопротивлялись идеологическому насилию или уходили во внутреннюю эмиграцию, так как стремились «к восстановлению целостной концепции мира вне рамок господствовавших идеологий» [1, с. 70]. В произведениях магического реализма предстают две реальности: неподлинная, но «очевидная для массового идеологического сознания» и «претендующая на внесоциальную и вневременную истинность» [1, с. 71], основанная на «внерациональной картине мира» [1, с. 76].

Не случайно в белорусском контексте статья о магическом реализме вошла в Энциклопедию «Постмодернизм». Не увидеть будущую тенденциозность магического реализма автор статьи М. Можейко не могла. Она усматривает в парадигме Рюо о дальнейшем освобождении субъекта творчества от объективного мира, об интерпретационной и экспериментальной способности художника – «первую ласточку» «постмодернистской чувствительности» [3, с. 437]. И все же в этой тенденции Александр Гугнин видел не столько авторский волюнтаризм или субъективизм. Постмодернизм как литературное направление конца XX века он рассматривал в виде «неизбежной переходной ступени, когда мыслители и художники, отказавшись от позитивизма и рационализма как конструктивной формы» создают «свои произведения из разрозненных элементов всех исторически обозримых форм сознания и произросшего на их базе искусства. В итоге создается немислимая какофония изолированных групп» [1, с. 86].

Тогда, в 1998 году, Гугнин предвидел, что эта кажущаяся «какофония свободы» может внезапно прерваться из-за «политических катаклизмов». Человек мыслящий, он не следовал слепо просветительским идеям эволюции, не доверял тезисам прогрессивного развития, он базировал свое исследование феноменов литературных текстов на идеи будущего ноосферического мирозерцания. Исследователь прояснял творчество таких писателей как А. Кубин, Ф. Кафка, Д. Джойс, А. Платонов как «разные пути вхождения европейского сознания в “ноосферическую эру”» [1, с. 89].

Зоркое видение Александром Александровичем тенденций литературного художественного процесса привело его и к сегодняшней дискуссии вокруг нормативной критики и определения реализма как литературного метода, в частности. Так, В. Руднев в монографии «Реальность как ошибка», пытаясь доказать парадоксальность понятия *реалиализма*, также начинает исследование со столкновения художников с учеными-позитивистами, занимающихся естественнонаучной деятельностью и являющихся противниками метафизиков [4, с. 32]. Но, к сожалению, эту встречу автор толкует, скорее, как досадное недоразумение на пути художественного процесса и фактически отказывает дефиниции *реализм* в существовании. В отличие от него, тринадцать лет назад Гугнин обосновал популярность понятия *реализм* в определении художественного процесса стремлением самих авторов (писателей и критиков) к рациональному мышлению и предложил свою модель трансформации отражения рационального (позитивистского) мышления в литературе XIX–XX веков: реализм с отчетливо манифестированной рационально-позитивистской основой (критический реализм, социалистический реализм, неореализм, реализм XX века, новый реализм, «реализм без берегов»); реализм с иррационально-рациональной основой мировосприятия (сюрреализм); реализм, стремящийся овладеть внерациональной формой сознания (магический

реализм); реализм, стремящийся охватить все формы сознания с помощью рационального сознания (мифологический реализм); реализм, использующий приемы мистики и оккультных знаний (фантастический реализм, мистический концептуалистский реализм) [1, с. 59–65]. Таким образом литературный процесс, с его нормативной условной эстетической категорией *реализм*, с перечнем реализмов, включается Александром Гугниным в «ноосферический этап человеческой мысли» [1, с. 67], представляющий все прежние формы сознания в новом качестве.

В десятой главе исследователь сопоставляет магический реализм и социалистический реализм и справедливо высказывает мысль о развитии в литературоведении скорее догм метода социалистического реализма, а не анализов литературных особенностей текстов, принадлежащих этому мировыражению в слове. Он предлагает три направления текстологического сопоставительного анализа текстов XX века в рамках их приверженности к бытовавшим параллельно магическому или социалистическому реализму: временной континуум, основная проблема, образ героя или общества.

В ходе движения человечества к ноосферической эре, литературоведением, по мнению Александра Александровича, должны быть зафиксированы все творческие прорывы к новому мировидению в прошлом. Для этого критиками открываются, перечитываются незамеченные, не заслуженно забытые произведения. Например, двенадцатая глава его труда посвящена анализу романа Альфреда Кубина «Другая сторона» (1909), повлиявшего на стилистику магических реалистов в будущем, но не ставшего в свое время авангардом нового художественного процесса. А. Гугнин обстоятельно (даже по пунктам) разбирает личностный и социально-культурный контекст появления такого произведения, его сюжет и символику, композицию и жанровые особенности, стиль и язык романа. И делает вывод о том, почему «Другую сторону», в которой литературоведы находят и экспрессионистические, и сюрреалистические элементы, нельзя соотнести ни с одним из литературных течений XX века: Кубин-художник был авангардистом, но Кубин-человек был «далек от какой-либо социальной и общественной ангажированности. Основу его духовной позиции составлял пессимистический фатализм, социальный нигилизм и нравственный стоицизм» [1, с. 99]. Эти личностные качества формировали особое мировидение писателя, во многом опережающее свое время.

А. А. Гугнин не только наметил пути осмысления магического реализма как литературного метода XX века, он, можно сказать, «раскавычил» понятие, так как до него в литературной критике обозначение магического реализма писалось именно в кавычках. Автор фактически ввел сам термин в науку, о чем свидетельствуют последующие труды А. Гугнина: статьи *Магический реализм* в Литературной энциклопедии терминов и понятий (2001) и в Энциклопедическом словаре экспрессионизма (2008), монография «Австрийская литература XX века» (2000)

и др. Ученый утвердил понимание магического реализма, как явления «естественного и состоявшегося» [1, с. 75]. Он понимал парадокс ситуации, ведь литературоведение (как научная мысль) развивается на рациональной основе, а магический реализм провозглашает внерациональную картину мира, поэтому ждал и много делал для возникновения «“магического” литературоведения» [1, с. 77], в котором бы использовались внерациональные приемы и технологии создания уже научных текстов. Но пока литературоведение не опирается на «антипозитивистское ноосферическое измерение» [1, с. 81], оно будет только способно, по меткому выражению Александра Александровича, «подобно магниту ... вытащить из кучи хлама кусок железа, но если кто-то спрятал в этом хламе алмаз или золото, то даже очень сильный магнит они не привлекут» [1, с. 82].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гугнин, А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления) / А. А. Гугнин. – М.: Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 1998. – 117 с.
2. Бычков, В. В. Виртуальная реальность как феномен современного искусства / В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. – Вып. 2. – М.: ИФ РАН, 2006. – С. 32–60.
3. Можейко, М. А. Магический реализм / М. А. Можейко // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 436–437.
4. Руднев, В. П. Реальность как ошибка / В. П. Руднев. – М.: Гнозис, 2011. – 320 с.